

Александр Селионов

На каждом из неб

Стихи для души

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Александр Селионов

На каждом из неб

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Селионов А.

На каждом из неб / А. Селионов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Стихи на все случаи жизни. Где должен быть юмор, он есть. Где должны быть слёзы, они появятся. Содержит нецензурную брань.

**Сказки, басни, диалоги, анекдоты
Колобок 18+**

Автор:

Век жили в нищете старик и баба.
Ругались часто, но довольно слабо.
Вот, как-то, донеслось с под потолка:

Дед:

– Спеки-ка ты мне бабка колобка.

Баба:

– От, пень-то старый, ты опять наглеешь!
Сам лишь лежать на печке и умеешь.
Не доводи, лежи себе, молчи.
Не то опять завалишься с печи.

То из себя там корчишь государя,
А то, у порося воруешь, харя!
Итак, варю последнюю ботву,
Ещё и ты там возишься в хлеву.

Автор:

Вдруг с печки показался череп сонный.

Дед:

– Подь, старая, сюды, ищи кальсоны!
Из принципа я буду тут сидеть,
Не можешь месяц мне резинку вдеть.

Баба:

– Еще мне покудахтай на насесте,
Забудь и думать о своём протесте.
Пошарь там по лежанке то рукой,
Сам две недели едешь за мукой.

Автор:

Старик неловко как-то наклонился,
Так без штанов на пол и завалился.
Сам крикнул, зад издал протяжный свист.

Баба:

– Своим сигнал даёшь, парашютист?

Автор:

Дед кое-как очнулся от урона.

Дед:

– Опять беду накаркала, ворона.
Гляди, отволоку тебя я в лес.

Баба:

– Да ты хоть раз бы по-другому слез.

Дед:

– Ты, старая, болтала бы пореже!
Я дрын сейчас возьму, да дрыном врежу!
Давай, покуда не намял бока,
Скажи-ка, испекёшь мне колобка?

Баба:

– О, Господи! Да что ж это такое?
Упал на жопу, а беда с башкою.
Ну до чего тупые мужики!
Сказала ж тебе: «Нет у нас муки!»

Дед:

– Пошла, да поскребла бы по сусекам,
В амбаре помети, будь человеком.
Не думает ни кто о старике,
А я давно мечтал о колобке.

Автор:

Естественно, амбар был очень грязный,
И колобок испёкся несуразный.
Смешалась с пылью белая мука,
Не видел мир такого колобка.

Он не был ни красивый, ни блестящий.
Не ровный, кучковатый и смердящий.
Короче, был похож он на говно,
Но умудрился выпрыгнуть в окно.

Упал, подпрыгнул, чуть не развалился,
И быстро, быстро к лесу покатился,
Запрятаться среди таких, как он.
А там, в лесу какашек миллион.

У деда поднялась температура.
Он к бабке.

Дед:

– Колобок то где мой, дура!

Баба:

– Сам остужал, уж лучше бы молчал.

Автор:

А колобок зайчишку повстречал.

Заяц:

– Куда это ты катишься, какашка?
Тебя что, волк съел? Кем ты был бедняжка?
Меня не бойся. Может что болит?

Автор:

А колобок ему и говорит:

Колобок:

– Гад! Хочешь меня съесть, на самом деле?!

Заяц:

– Да что ты говоришь? Тебя уж съели!

По запаху, по виду, по всему...

Я сути твоих страхов не пойму.

Автор:

Тут колобок петть песенку собрался,

Но заяц это понял и убрался.

И покатился дальше колобок,

Мечтая не попасться на зубок.

Волк по тропе бежал к нему навстречу,

И колобок смелей:

Колобок:

– Чудесный вечер!

Ну, поболтай со мною, погоди!

Автор:

А волк:

Волк:

– Уйди, дерьмо, не подходи.

Мне с будунища только не хватало,

Чтобы со мною тут говно болтало.

Привидится такое же с утра,

По-моему завязывать пора.

Сказал же кабану, что пить не буду,

А он, гад: «Два по сто в одну посуду!»

Колобок:

– Эй, волк, я колобок, а не говно!

Автор:

Волк пнул его ногой,

Волк:

– Мне всё равно.

Не зря вчера я пить так не хотел.

Автор:

А колобок вдоль тропки полетел.

И ветер так приятно обтекает,

"Быть может птица я? – в мозгу мелькает, -

Теперь могу по сторонам смотреть"...

Хлоп! На тропе замешкался медведь.

Медведь:

– Да что ж это за дни в лесу настали,

Чтобы вокруг фекалии летали.

Пойду домой, да Бог меня простит,

А то ещё чего-то прилетит.

Автор:

И вот, святым знаменьем осеняся,
Медведь скорей убрался восвояси,
А колобок умерил дикий страх,
Часа четыре просидев в кустах.

Настала ночь, дневные звери спали,
Повсюду совы, филины летали.
А, ведь у них понятия просты,
Бедняга вновь полез в свои кусты.

На утро солнце взгрело ему спинку,
И колобок пробрался на тропинку.
Понятно стало, что же он молчал:

Колобок:

– Сам ты фекалий! –

Автор:

злобно пробурчал.
И бросился, показывая чудо,
Чтобы убраться поскорей отсюда.
Но, оказался около лисы,
Едва та вышла с лесополосы.

Лиса:

– А, чем это так сильно завоняло?
Стой! Кто такой? Стоять! Кому сказала?
А то, шас чвякнешь об корягу лбом!

Автор:

И сразу сдоба замерла столбом.

Лиса:

– Ну, кто такой? Откуда столько прыти?

Колобок:

– Я колобок, сударыня, простите.

Лиса:

– Как колобок? Ты ж сделан из говна!
Читала, что я съесть тебя должна.

С чего бы, вдруг, мне кушать экскременты,
Показывай, приятель, документы!

Автор:

А колобок ей тихо так в ответ:

Колобок:

– Вы знаете, а документов нет.

Лиса:

– Конечно, нет! Я сразу это знала!

Кто ж документы выпишет для кала?
А в сказке так у нас заведено,
Раз нету документов, ты – говно.

Поверь, дружок, таким как ты голубам
Одно лишь направление – по трубам.
Короче, принимай решение сам:
Или исчезнешь, или сдам властям.

Колобок:

– Сударыня прекрасная, простите!
Прошу, молю Вас, только не губите
И без того жизнь бедную мою.
Хотите, я Вам песенку спою?

Я в музыке не очень разбираюсь,
Но уж для Вас, поверьте, постараюсь.

Автор:

Прыжок! И вот уже он на носу.
И тут же громко вырвало лису.

И так её изрядно полоскало,
Весь лес своей отрыжкой достала.
Объяла всех зелёная тоска,
Но лес уже не трогал колобка.

Из голода и ради интереса,
Он нищенствовать стал по всему лесу.
Кто рубль даст, а кто пинка под зад,
Но не едят, а он тому и рад.

Опять же время не стоит на месте,
Подумывать он начал о невесте.
Внезапно имидж начал брать своё,
Неплохо стало подавать зверье.

Со временем стал колобок солидным,
В лесу считался женихом завидным,
Построил дом, богатство приобрёл,
И, говорят, любовницу завёл.

Однажды за ним белка наблюдала,
Кто знает, что она в нём увидела.
Казалось бы, живи себе, живи,
Но белку охватил огонь любви.

Через полгода после брачной случки
Родились две премилые вонючки.
Везде по лесу прыгают, снуют,

Всех запахами так и обдают.

Зловонный пончик белочку замучил,
Ему то этот лес давно наскучил.
Ведь он в лесу не числится уже.
В Америку свалил на ПМЖ...

Обласканные новою страною,
Плодиться стали колобок с женою.
А там и внуки, правнуки пошли,
Святые дети призрачной земли.

Супругов приняла земли прохлада,
Но дети их устроены, как надо.
Они сейчас в Америке живут,
Их местные там скунсами зовут.
* * * * *

Репка 18+

Посадил дед репку, эко диво!
Репа без проблем у всех растет.
Вырастил бы персики, да сливы,
Да, чтоб по два урожая в год.

Правда, удобрял навозом крепко!
Конский, птичий, козий, бабкин, свой!
Вышло просто чудо, а не репка!
Избу заслонила всю ботвой.

Сдохло все, что раньше колосилось,
Что росло и пахло до сих пор.
Столбиков немало покосилось,
Выдавило из земли забор.

В туалете яма выгребная
Репке на питание пошла.
Запил дед, в душе осознавая,
Что на огороде сгусток зла.

Ширится, растет исчадь ада,
Не способен дед себя простить.
Кто-то предложил: "Мышей бы надо
Внутри корнеплода запустить".

Ожил старый: "Не оставьте, други!
Все, от стариков, до пацанов!"
И теперь к нему, со всей округи,
Тащат, тащат люди грызунов.

Сами прорубают вглубь туннели,
Добывая пищу для скота,
И уходят в репку на недели,
Ищут уязвимые места.

Все дома в деревне развалились,
Репка, разрастаясь, их снесла.
Люди в ее недрах поселились,
Всех она сама же и спасла.

Дети нарождаются здоровы,
Шерсти больше у овец и коз,
По три нормы доятся коровы,
Вышел в передовики колхоз.

Премии пошли, поездки к морю,
Дружно место выели под клуб,
И зажил колхоз, не зная горя,
Репка стала, как священный дуб!

Радость принесла с собой печали,
Чахнуть стала репка, быть беде!
Мыши, те, что сами натаскали,
Расплодились на такой еде.

Подточили силы корнеплода,
Сдохла репка, сдохла и сгнила.
Ни домов, ни клуба у народа,
Хрупкая идиллия прошла.

Пусть сажает дедка репку снова!
Легкая рука у старика.
А удобрить, все они готовы!
Тут их экономика крепка.
* * * * *

Куточка Ряба 18+

Однажды ночью бабка деда разбудила.
– Ты посмотри, отец, что Рябушка снесла!
Яйцо из золота, я отняла насилу.
И деду крупное яичко подала.

Дед в руки взял яйцо из желтого металла.
«Неужто золото?» – стучится мысль в висок.
От предвкушения немного жарко стало,
На всякий случай запихнул его в носок.

И сразу к бабке:

– Ах ты, старая ты клуша!
Давай-ка курицу тащи скорее в дом.
Да погоди, трещотка, вот чего послушай,
Рот на замок и чтоб молчала обо всём.

Умчалась бабка, дед уселся на скамейку.
А яйцо боится даже положить.
И сразу мысли потекли коварной змейкой:
«Ведь это как же можно в старости зажить!»

А деду нравилась соседка-молодуха,
Вокруг неё он вился кочетом не раз.
Но дело портила проклятая старуха,
Да муж соседки норовил всё время в глаз.

«Яйцо дам мужу, пусть гуляет в чисто поле.
Пусть в город едет, я за этим прослежу.
А у меня богатства скопится поболее,
Вот с бабкой делать что, ума не приложу.

Надежды мало, что служанкой согласится,
И разговор про это дело страшноват.
Что за привычка, из-за мелочи беситься!
Она ж, чуть что, берётся сразу за ухват.

Ан, ладно. Где она там с курой то пропала?
Яиц то, сколько будет надо на мильон?»
Тут входит бабка:
– Еле Рябушку поймала.
Боялась милая, что мы её в бульон.

– Сооруди-ка ей гнездо в своей постели,
А, если что, сама на печке полежишь.
– Чего в моей? Итак, хожу я еле-еле,
А ты, как юноша к соседке то бежишь.

«Вот стерва! Как я только выбрал эту дуру?»
– Всё верно, милая, конечно, ты права!
Там поуютней сделай гнёздышко для куры,
А у соседки, просто, я колол дрова.

– Дрова колол?! Да, что ж ты мне то врёшь, зараза?
Ведь это дело у тебя не в первый раз.
Откуда ж ты тогда принёс синяк под глазом?
Сучок, случайно, что ли, прилетел под глаз?

– Ты, ведьма старая! Да, он подкрался сзади!
Кабы не это, так бы я ему задал.

– Тебя наверно отвлекли плохие дяди,
И ты, несчастный кулака не увидал.

Дед сжал кулак так, что костяшки побелели,
Яйцо раскачивалось в штопаном носке.
Крутя глазами, старый сделал шаг до цели,
И, размахнувшись, стукнул бабку по башке.

Глаза у бабки удивлёно округлились,
Немного вытянулось старое лицо.
В носка прорехах, чуть скорлупки золотились,
Но по лицу текло обычное яйцо.

Теперь то, бабка с дедом зажили, как прежде,
За пять минут ухват развеял всю печаль.
А, всё ж, грустит старик о призрачной надежде
И, потирая глаз подбитый, смотрит в даль.
* * * * *

Царевна-лягушка 18+

Царь, внешне презентабельный мужчина,
Весьма сварливым нравом обладал,
А три его неполноценных сына
Все время вынуждали на скандал.

Будь помоложе, да побольше сил бы,
Да не родня покойницы-жены,
Чем породил, так тем же и убил бы! -
Настолько злили старого сыны.

Царь ключницу "попахивал" порою,
Не то чтоб там почуять благодать,
Та приступы гасила геморроя,
Да и совет могла полезный дать.

Старуха власти всей душой желала,
Сынки несли угрозу и урон...
И вот, два этих шатких маргинала
Решили, как обезопасить трон.

С утра не пивший, хоть душа горела,
Царь в чистом вышел – форменный пижон:
"Берите луки, – говорит, – и стрелы
И в стороны своих стреляйте жён.

Сыночки, сплошь танцоры и поэты,
Могли дивиться, но не удивлять.

Стрелки из них, как из говна конфеты,
Ан, тут же побросались вдаль шмалять!

Как три щенка, три резвых инвалида,
Три лука натянули от души.
И вдаль три северги ушли из вида...
Стрелки – дерьмо, да стрелы хороши!

Назвав затею, мысленно, ошибкой,
Сынов – ослами, ключницу... на "ять"...
Царь сплюнул, матюгнулся, но, с улыбкой,
Отправил дурней суженых искать.

Над старшим сыном поглумилось лихо,
К невзгодам он привычный, черт возьми!
С собой привел наследную купчиху,
Сиротка, вроде, но с тремя детьми.

А, средний слыл счастливчиком не даром,
Уж, раз не сгинул столько лет подряд.
Стрела его влетела в дом к боярам,
Кровиночке их распорола зад.

Такой толпою, боевым порядком,
Пришли, момент для лести улучшить...
Царь всех прогнал, лишь приказал им кратко:
"Детей заткнуть, а жопу залечить! "

У "желтой" прессы появились темы,
Скрывал по летописцу каждый куст.
Однако, брата младшего проблемы
Электората не сходили с уст.

Сочувствие сплелось на обороте,
На топи, с ветром, унеслась стрела.
Пропал несчастный? Сгинул на болоте?
Куда его судьбина занесла?

А, младший битый час ходил кругами,
Хотя стрелу нашел скорее всех.
Её лягушка с круглыми боками
Зажала в лапах, подавляя смех.

В конце концов, последний круг скривился,
Пришел царевич к центру по дуге,
Лягушку взять в ладони наклонился,
А та в ширинку влезла по ноге.

Минуты больше что-то там случилось,

Он охнул, будто в чем-то утвердись,
Такой она пригожей показалась,
Каких он и не видел отродясь.

Насыщенность багульных испарений,
Усталость, юность, близость липких тел...
Царевич без особенных борений,
Решил, что он нашел, кого хотел.

Сказать, что царь невестке удивился?
Так, вроде нет, особо не не орал,
Лишь молвил: "Ты совсем мозгов лишился?
Посол французский пять таких сожрал!"

"Я тверд, отец, она теперь царевна!"
"Как скажешь, только... место ей – в пруду!
Ходи на пруд! Люби, хоть ежедневно!
Напрыскай в басурманскую еду."

"Все решено! Судьбу свою я встретил!
Пытай её, как всех, пусть победит."
Ни слова царь на это не ответил:
"Чего она, – подумал, – нам родит?"

Прокляв болотных тварей вероломство,
Назад вернулся, к ключнице своей.
А, поутру, чуть свет, созвал потомство,
Испытывать супружниц сыновей.

Махнул стакан, для снятия нагрузки,
И высочайшей волей повелел,
Сготовить ему к вечеру закуски,
А то, в запое, мол, давно не ел.

Две старшие невестки взялись споро,
Вещал триумф кастрюль тревожный бой.
Лягушка, отвергая разговоры,
Опять Ивана заняла собой.

А, он, своей супругой покоренный,
(Та привнесла в постель БДСМ)
Счастливый, пылкий, удовлетворенный,
На поваров закинул груз проблем.

Пусть гусь летает, а собака лает,
Доверить профи, проще говоря.
На кухне знали, что монарх желает,
Состряпали закуску для царя.

И вот, на фоне трона и натуры,
Когда по чарке разобрали все,
Выносят из лягушек блюда дуры:
На вертеле и лапки фрикасе.

Всех вывернуло! Облажались дочки!
Тут положенье младший спас сынок,
Подали вмиг: селедочку, грибочки,
Укропчик, маринованный чеснок.

Тушенная форель в смороде красной,
Бараний бок, уха из осетра...
Изысканно все, сытно и прекрасно...
На козырях закончилась игра.

Царь гулко отрыгнул: "Вот, это баба!
Ванюшка выиграл, сплетникам назло!
Меня любовь, и то, коснулась слабо,
Обжег язык, а на душе тепло!

Как-будто бы наелся не в желудке,
А где-то ниже, но стремится ввысь...
И молодость какая-то в рассудке,
Глаза блестят и яйца напряглись.

Вся эта старость – форменная глупость!
Я укрепить еще способен власть!" –
И руку сунул, яйца вновь пощупать.
И морда вся в улыбке расплылась.

"Ну, что ж, теперь задание второе:
Супруги ваши к завтраму утру
Подушечки сошьют для геморроя
На коих можно отдыхать в жару".

Двор царский снова в пьянство окунулся,
Развратом день надеясь завершить.
Иван к себе расстроенный вернулся,
Решая, кто ж подушку будет шить.

Вошел и обмер: "Что за королева?!"
Упала челюсть, рот не запахнуть.
Лежит нагая на постели дева,
От шкуры захотела отдохнуть...

Визг тембру придавал щенячьей фальши,
Предатель-голос подло завиял:
"Ты не могла такую быть пораньше?
Я так тебя себе и представлял? "

Их секс, частично ритуалом ставший,
Невесте новой больше был к лицу.
Иван-царевич, несколько уставший,
Опять вернулся мыслями к отцу.:

"Власть укрепить? И яйца молодеют?
А, дальше что? Даст ключнице под зад?
А, если кто подушечку содеет?
С плеч головы фонтаном полетят!

Не сдерживаемый контролем жопным,
Он лосем брачным кинется вперед...
Обнюхается чем-то психотропным,
Себе мою невесту заберет.

Страна от его глупости устала,
Товарищи с ревкома ждут давно,
И время революции настало...
"Прости, пожалуй, батя! Жизнь – говно!"

Любимой свои мысли открывая,
Знал, не поймет, по недостатку лет.
Но, та достала, вдруг, из каравая
Две ленточки, наган и партбилет.

Лягушка оказалась агентессой,
А за стеной сигнал ждал полк крестьян.
Хотя, ей быть понравилось принцессой
И был уж больно по сердцу Иван.

Стране путч обошелся легче клизмы,
Престолу он, конечно, навредил.
Республика с чертами коммунизма...
А, суд Ивана, все же, посадил.

Всю царскую семью в Сибирь сослали,
Как не крути, враги и есть враги.
В пути две свадьбы старшие сыграли,
А после царь скончался от цинги.

Иван "двадцатку" отсидел и вышел,
Принцесса его с верностью ждала,
Хотя, после ревкома, как он слышал,
Лишь трахалась за деньги, да пила.

Нашел ее, потратив сил не мало,
Заплаканной и мертвой на полу.
К груди она руками прижимала

Обшарпанную старую стрелу.

* * * * *

Три поросёнка 18+

Их кабаниха родила двенадцать...
Из выводка осталось только три,
Умеющих за жизнь свою сражаться,
Провяленных снаружи и внутри.

Отца давно охотники убили,
Мать съели волки, братьев больше нет.
И, если бы они чуть слабже были,
То чей-нибудь составили обед.

Три поросёнка долго шли по трупам,
И шла за ними будто смерть сама.
Но, нету счастья в превосходстве глупом...
Решили себе выстроить дома.

Услышав, что они остепенятся,
Лес, затаив дыхание, умолк.
Все жители, уставшие бояться,
Судьбу уже благодарили в долг.

На митинге енот – лоббист, оратор,
О новых перспективах рассказал.
И сам медведь – судья и губернатор
За счёт бюджета строить приказал.

Едва, наутро только, лес проснулся,
Как сообщил всем новостной канал:
Волк – генподрядчик главный развернулся,
На место стройки технику согнал.

Затраты волка больше не волнуют.
Жена – медведя дочь, а он при ней.
На три дворца дизайнеры колдуют.
Трещит бюджет, но, как-бы, для свиней.

А тех по конференциям таскают,
То интервью, то новостной сюжет...
Из вида, разве только, упускают,
Куда течёт так благостно бюджет.

Три поросёнка – баловни фортуны
Поверили с наивностью в успех,
Поставив эйфорически бездумно

Автографы на документах всех.

Растут дворцы – жилкомплекс "Три избышки",
Растёт и популярность у свиней.
Подвозят гастарбайтеров с опушки,
Заложников дешёвых трудодней.

Строительство продлилось меньше года,
Тут, впору, говорить о колдовстве.
Круговорот свершила свой природа,
А братьев обвинили в воровстве.

Сей случай анекдотом слыл в "верхушках"
И вызывал живейший интерес.
Теперь медведь с семьёй живет в "избушках",
А поросята где-то валят лес.

* * * * *

Муха-Цокотуха 18+

День у мухи получился неудачный.
Не везло с расположением светил.
А под вечер паучок один невзрачный
Её в сети паутины захватил.

Он спускаться начал, предвкушая ужин:
"Вот жирнюга! Ночью буду много пить!"
Но, и мухе был несчастный тоже нужен,
Ей, уж, было всё равно, кого лупить.

Улыбнулся паучок, урча утробой,
Разжигая в мухе яростный пожар...
Не впервые счастье, встретившись со злобой,
Получает сокрушительный удар.

Обступив воображаемую сцену,
Насекомый восхищается народ:
"Удивительно, как бьёт она отменно!
Он ведь так и трёх минут не проживёт!"

Вдруг, во тьме, зажёгся маленький фонарик,
Кто-то, даже, поперхнулся на суку.
С острой саблей мчится голубой комарик...
Хрясь! И муху пополам, на всём скаку.

Голубую свадьбу тут же и сыграли,
Пусть уж женится, не зря же прилетел.
Но гостям казалось всё же, что в начале

Паучок совсем не этого хотел.

* * * * *

Иисус и старец

(Анекдот)

Брёл старый путник, древний, как века,

Собравший на себя всю пыль дорог.

И не было во взгляде старика

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.